

Автор Марина БЕРЕЖНЕВА

Не сдай себя. Не сдай себя врагу.
Не покорись его речам слащавым.
Не говори себе - я не могу,
Я не сумею, я не... Переправы

Никак закончиться не могут, целый век
Переправляемся - то броды, то понтоны.
А сверху лупит... Разве человек
Такое выдержит? Заплатки похоронок

На тех местах, где рядом шли бойцы.
А переправе нет конца и края,
И деды все ушли, ушли отцы, -
Зовёт, курлычет, улетающая стая

Тех самых журавлей... Чего ты ждёшь?
Как в синий Ирий с ними бы, привольно...
Но ты на переправе, ты бредёшь,
Лишь слёзы на губах - морской солью...

Тебе ещё идти, с водою в сапогах,
С натёртыми поклажею плечами,
А где конец пути? И сердце гложет страх,
А душу - безнадёга и печали.

На переправе обустроив быт -
Привычные к любым судьбы кульбитам,
Полвека всё идём, идём мимо корыт,
В которых кто-то чавкает так сыто...

Там те, кто сдал себя - за чечевичный суп,
За тридцать кругляшей из драгметалла.
А ты не сдай себя - будь даже зол и груб,
Но продолжай идти, не опускай забрала,

Не прячь своё лицо, не отрицай свой путь -
Он проторён задолго до рожденья.
Он - это ты и есть, ты - переправы суть,
До самого последнего мгновенья.

Саур-Могила

Над Саур-Могилой осень
Облака ветрами треплет –
Застилает облаками
Синеву родных небес.
Как вдова, ветра голоса -
Эту боль и эту память,
Нерождённых детский лепет,
Чьих отцов земля укрыла:
И хранит теперь Могила
Балагуров и повес,
Молчаливых и спокойных,
Невысоких, плотных, стройных,
Бывших плотников, шахтёров,
Ленинградцев и дончан.
Все они теперь навеки
В рост кургана – человеки,
В ширь кургана – по плечам.

Памяти Александра Захарченко

Мы стоим. Тяжело, но мы будем стоять до конца.
Что поделаться? Такая задача у нас на сегодня.
На потеху бесславному ублюдкам, шутам, подлецам
Нам стоять - а кому и в чертоги Господни
Отступить, приняв в тело, как метеорит,
Злой осколок. Роняя себя на колени,
Или навзничь, на спину и делая вид, что убит,
Строй пополнить из тех, кто не ведал сомнений.
Кто стоял до конца тут вчера, в дни беды,
Кто ловил своим сердцем осколки, но верил
В силу слова, огня и бегущей воды,
Верил в жизнь и любовь, и не верил - в потери...
Нам завещан рубеж - меж горящих полей,
Меж руин городских неказистых построек
Мы стоим. Меж донецких родных тополей,
Аромат чей сентябрьский так вечен и горек...

Донецкий летний двор

Во дворе, разомлевшем от лета, чуть сонном и вялом,-
Лип густой аромат: мажь на хлеб, или ложкой черпай...
Чуть подалее - роз лепестков-лоскутков одеяло
На зелёный газон с небрежением брошенных... Рай
Был таким вот, наверно - весь в розах, медовым и жарким,
Как сегодня наш двор, как другие Донецка дворы,
Не изведавшие бывшей "нэньки" неожиданных "подарков"
Этой вовсе не райской - военной, жестокой поры.
Но для роз и для лип во дворе - просто лето.
Просто - время цвести, время миру дарить аромат.
А под липой цветущей, в защитную "цифру" одетый,
В яркой детской коляске качает дочурку солдат...

На фронтире

На фронтире солнце обычно садится рано.
Ночь приходит быстро - темна и обильна росой.
В облаках закатных зияет отверстой раной
Полость неба, светит белесою полосой.

На фронтире лето к окопам почти подкралось.
И в зелёнке - самое время для соловьёв.
Им немного тихих минут для песен осталось -
Тишина недолга, молчание меж боёв

Может, сутки длится, может быть - пару суток.
Соловьи, спешите - весна на фронтире строга!
Глубоко и ярко нам здесь открывают сути
Смысла жизни, измены, любви, не любви, врага...

На фронтире ветер несёт ароматы мяты.
Холодок её - для горячих голов и губ...
И в степи шумит, и стучит в жестяные латы
Уцелевших крыш, уцелевших ворот и труб...

Засвистит в проём, что раззявлен побитой крышей,
Занесёт в руины горсть желтеющих лепестков.
И утащит верх, поднимая всё выше, выше
Влагу слёз скупых - пополнить запас облаков.

Над фронтиром небо - перевёрнутой синей чашкой.
Наполняют чашку облака из слёз и росы.
На фронтире ходит то в "горке", то в "цифре" Сашка,
Улыбаясь редко в пшеничной масти усы...

Над фронтиром бушует весна, и чтоб ты не пророчил,
За весною - лето, и осени дни придут.
Знаешь, просто - жить, не солдатом, поэтом хочет
Ополченец Сашка, и мира фронтиры ждут...

Русские мальчики

Эти мальчики были во все времена –
От сохи, от станка, от доски, от мольберта
Отрывали мальчишек беда да война,
И они уходили от подвига – к смерти,

А потом и её, как черту преступив,
Без оглядки в бессмертье шагали ребята.
Под знакомый «Прощанья славянки» мотив
Уходили в рассветы, уходили в закаты...

С давних пор на Руси это так повелось –
Если в доме беда, то и хата не с краю.
Как бы худо им в этой беде не пришлось,
Шли мальчишки, собой дом родной прикрывая.

Шли в бессмертье, с собой унося навсегда
Ненаписанных книг гениальные строки,
Не построены ими сады-города,
И деревья, и дети, - и вышли все сроки

Ожидания чуда у их матерей,
И они не вернуться – плачьте, не плачьте.
Но останутся вечно у своих батарей,
Пулемётов, и флагов – в окопе, на мачте, -

Эти мальчики... Солнце в глазах унося,
В дальний путь отправляясь – там они будут вечно
Строить, петь и любить, а родная земля
Будет подвигом их тоже жить бесконечно.

А всё-таки люди читают и пишут стихи.
Назло всем утратам, назло и обидам, и бедам.

И всё-таки криком встречают рассвет петухи,
И каждый рассвет - это чья-то над смертью победа.

А всё-таки люди поют до сих пор за столом -
Гитару по кругу пустив, или так, а капелла,

И песня их значит, что жизнь, точно труд винодела,
Не скиснет, а выпита будет до дна - и не взять на излом

Того, кто читает и пишет стихи, и поёт.
И звуков ведёт чёткий ритм, и смеётся, и пляшет.

Лишь только тогда жизнь живётся воистину наша,
Когда мы читаем стихи и поём за столом...

Как растут города?

Как родятся города?
Думал ты об этом?
День рождения всегда
У Донецка летом!

Был ли маленьким Донецк,
Как сестра Наташка?
Был Донецк наш сорванец?
Кушал город кашку?

Нет, конечно – у него
Было по-другому:
Юз построил детям дом,
И построил домну.

В домне плавился металл,
Шахты строились, вокзал –
Городок родился тут –
Юзовка, - его зовут...

Время шло, и город рос –
Через реку вырос мост,
Подросли дома ещё –
К солнцу выставив плечо,

И макушки серых крыш.
Вот уж город не малыш.
А за то, что плавил сталь,
Чтоб тянулись рельсы вдаль,

Чтоб все жили-не тужили,
Посоветовшись, решили
Город переименовать:
Надо – Сталино назвать.

Годы шли, а город рос –
Полон зелени и роз,
И однажды, наконец
Город назван был – Донецк!

Город стали и угля,
Где цветы, и тополя,
Краеведческий музей,
Двор, где множество друзей,

Школа, парк и детский сад,
Город несказанно рад –
Встал над речкой в полный рост –
Город миллиона роз!

Баллада о Спящей красавице

Она пахла яблоками и свежеиспеченным хлебом.
Он учуять мог ее запах за сто шагов.
Она теплила свечечки в церкви Бориса и Глеба,
Отражавшейся в озере чистом уже пятьдесят веков.

Она сеяла ветер, но бури не пожинала
Потому, что вовремя Он подставлял ладонь.
Она плакала ладаном в дни, когда вспоминала,
Как бросала строк хворостины в Его огонь...

Он ходил на охоту, но пока всегда возвращался.
Иногда, правда, вовсе не помнил, куда и с кем...
А их мир небольшой очень медленно, но вращался -
Как кипящий в тазике медном черничный джем.

Она чуяла кожей, что впереди - перемены.
Она красила волосы, шила, вязала сеть:
Ей хотелось поймать хоть кого-нибудь непременно,
Кого можно будет баюкать, о ком скорбеть.

Ему это было как-то всегда неважно.
Только запах яблок был для Него весом.
И сиянье кожи, блестящей от пота влажно,
Заставлявшей стать Его - жадным голодным псом.

Они жили дружно на маленькой их планете,
Может восемь лет, может, восемь веков подряд.
Но, однажды вырос посеянный как-то ветер,
Ветер вырос, встал, и пошёл, повзрослев в сто крат...

Запах яблок унёс он в метель и вдали развеял.
Ворожея с ядом Ей продала флакон -
Убедив Её, что она, как и все, стареет,
И охотясь на..., не вернётся, возможно, Он...

Нет, Она ещё не поверила этой скряге,
На людской беде сколотившей себе деньгу,
Но снега в тот год переполнили все овраги,
Её сердце тоже уже искупав в снегу.

И однажды Он, возвращаясь опять с охоты,
Запах яда стойкий почуял за сто шагов.
В дом войдя, спросил Он её - а кто ты?
На одном из древних, утраченных языков.

Она молча встретила взгляд Его удивлённый,
Подала на стол, налила вина, потом
На столе стелить начала лоскуток зелёный,
Тяжело дыша напомаженным ярким ртом.

Он покорно ждал продолженья, не понимая,
Кто Она сейчас, незнакомка в его дому.
Что творит Она, оберег родовой снимая,
Чтоб швырнуть в очаг, всколыхнув на мгновенье тьму.

Этот день погас, отмерцав, как лампада в храме.
На короткий миг запах яблок вернув, и вот
Она крепко спит, убаюканная ветрами,
Он, голодным псом её тело хранит и ждёт